

УДК 34.02;340

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-132-136

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

д-р юрид. наук, проф. О.Н. ТОЛОЧКО
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5612-7033>

Статья посвящена актуальным теоретико-правовым проблемам, связанным с обеспечением институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь в контексте её взаимодействия с другими социальными институтами, а также с внешней правовой средой. Институциональный подход делает акцент на социальную обусловленность права и рассматривает национальную правовую систему не только в её внутреннем измерении, но и с позиций легитимации права как восприятия его обществом и готовности членов социума к соблюдению установленных норм. Подчеркивается, что национальная правовая система вырастает на особенностях данного социума, на его предшествующем историческом пути, социальных связях, культуре, языке и мировосприятии. Соответственно, институциональная автономия правовой системы Республики Беларусь предопределяется системой специфических особенностей правотворчества, включая автономию профессиональной лексики, стиля и аргументации, вырастающих на её собственной правовой доктрине и практике правоприменения, и объективно обусловлена особенностями всех сложившихся в стране социальных институтов. Опыт обеспечения институциональной автономии правовых систем аккумулирован в международных стандартах законодательства, парламентаризма, независимости судей, прокуроров и адвокатов. По мнению автора, имплементация таких стандартов в национальное законодательство может быть полезна для укрепления институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь.

Ключевые слова: *правовая система, институциональная автономия, социальный институт, легитимация права, правотворчество, правоприменение, международные стандарты, имплементация.*

Введение. Проблемы обеспечения институциональной автономии правовой системы актуализируются в условиях глобализации и интернационализации права, всё более тесного и интенсивного сотрудничества Беларуси в рамках интеграционных объединений и поиска идентичности национальной правовой системы, обеспечивающей её максимальное соответствие интересам общества и государства, культурному коду страны, её историческому пути и целям устойчивого развития. Категория институциональной автономии носит обобщающий теоретико-методологический характер и в правовой науке с точностью не определена, хотя имеется довольно широкий круг работ, посвященных институтам права, правовой институционализации и институционализма в праве [1–5]. Цель исследования состоит в определении понятия институциональной автономии и его отличия от смежного понятия идентичности правовой системы, выявлении критериев, уровней и факторов обеспечения институциональной автономии правовых систем, а также влияния на указанные процессы международного права и правовых систем иностранных государств. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический метод познания, метод системного анализа, формально-юридический и др.

Основная часть. Правовая категория институциональной автономии производна от общего понятия социального института, широко используемого во всех общественных науках. Вопросы формирования и функционирования социальных институтов исследовались в социологических, исторических, экономических политических и правовых науках. «Возникновение юридического направления теории институционализма, – отмечает Р.Г. Валиев, – связано с идеей подчиненности социально-экономического развития юридическим нормам, на основе которых социально-экономические институты обретают юридическую форму, становятся категориями правового порядка» [2, с. 105].

Под социальными институтами в целом понимается организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества, «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих взаимодействие людей в определённой сфере жизнедеятельности и организующих их в систему ролей и статусов» [6, с. 92]. Примерами социальных институтов являются государство, парламент, суд, армия, партии, СМИ, наука, образование, здравоохранение, религия, брак, семья и т.д. Социальный институт, таким образом, рассматривается как организованная социальная система, как проявление типичного в развитии социальной практики [4, р. 57]. По Д. Норту содержание понятия «институт» состоит «из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их» [7, с. 18].

С этих позиций право тоже представляет собой социальный институт [8]. Широкий взгляд на правовую реальность как социально сконструированную позволяет выйти за рамки анализа норм, закреплённых в законодательстве, чтобы понять, почему люди придерживаются или не придерживаются правовых предписаний, почему используют в каких-то ситуациях внеправовые нормы и процедуры, и почему право различается в разных государствах и сообществах.

Институциональный подход делает акцент не на принуждение к исполнению правовых норм применением властных полномочий, а на социальную обусловленность правовой системы. При этом, если брать за основу, например, подход Г. Харта, отличие права от иных социальных институтов в том, что право есть «единство первичных и вторичных правил» [9, р. 77–96]. Как и другие нормативные системы – мораль, религия, этикет и т.д., – право содержит в себе «первичные правила», позволяющие или запрещающие определенное поведение, в чём и состоит сама сущность норм. Однако, в отличие от других нормативных систем, правовые системы включают в себя и иные правила («вторичные»), которые напрямую не регламентируют поведение людей или иных субъектов, а являются «правилами о правилах». Они структурируют, регулируют и институционализируют первичные правила поведения. Иными словами, само право устанавливает, кто имеет власть вводить, изменять и отменять правовые правила и как это должно быть сделано («циркулярность» права). Право также определяет, кто обладает властью решать, было ли в данных конкретных условиях нарушено первичное правило и какой процедуре нужно следовать, чтобы прийти к такому властному решению в рамках данной правовой системы. «Наряду с профессионализацией права, – отмечает М. ван Хук, – эта особенность привела к развитию специальных институтов, особенно парламента, администрации, судебных органов, и тем самым позволила добиться строгой институционализации права» [10, с. 33–34].

Институционализация права имеет два уровня – правотворчество и правоприменение. Эти функции права являются институционализированными в том смысле, что они должны осуществляться только теми лицами и (или) органами, которых наделила такими функциями собственно правовая система. Соответственно, первым критерием институционализации права, по М. ван Хуку, является «формальная институционализация» как конструирование правовых норм именно теми институтами, которые наделены соответствующими полномочиями в рамках данной правовой системы (парламент, исполнительные органы, суд и др.). Вторым критерием институционализации правовой системы является «социологическая институционализация права» как признание правовой системы тем народом, к которому она обращена (легитимация права). Иными словами, нормативная правовая система или отдельная норма права должны эффективно функционировать, а не оставаться фикцией на бумаге, а общество в основной своей массе должно этим нормам добровольно следовать. Третьим критерием институционализации правовой системы является её профессиональная институционализация как показатель уровня развития. Полностью развитая правовая система включает в себя три вида юридических профессий: профессиональные законодатели, профессиональная юстиция и профессиональные представители правовой доктрины. При этом «характерная черта развитой правовой системы – профессионализация научной деятельности в юридических образовательных учреждениях, а достаточно разработанная правовая доктрина – существенное условие для дальнейшего развития права» [10, с. 38–41].

Правовая система зависима от общества, в котором она сформировалась и которое она организует. С одной стороны, каждая правовая система является частью более общей социальной системы как способа организации социальной, экономической, моральной и других форм человеческой жизнедеятельности внутри данного сообщества. В этом смысле правовая система транслирует социальную структуру и систему общественных отношений внутри государства как обособленного международно-правового конструкта. С другой стороны, каждая национальная правовая система является частью права как общесоциального феномена и достижения человеческой цивилизации, поэтому она восприимчива к влиянию других правовых систем, с которыми взаимодействует в самых различных формах от решения общих задач до восприятия наилучших регулятивных практик. Диалектика этих процессов воплощена в теоретической категории институциональной автономии.

Понятие автономии происходит от древнегреческих слов *autos* («сам») и *nomos* («закон») и означает способность действовать на основе установленных самим собой правил или право самостоятельно управляться. В этом смысле понятие автономии предполагает субъектность и волю – качества, которыми правовая система сама по себе, разумеется, не обладает. Однако в более широкой коннотации автономия понимается как артикулированное отличие определённой подсистемы и от системы в целом, и от других её частей; самодостаточность и жизнеспособность. В отличие от термина «идентичность», относящегося в первую очередь к качественным характеристикам предмета, автономия акцентирует его функциональный аспект.

В контексте правовой системы автономия означает, что данная система может быть идентифицирована и функционирует как нечто отличное от других правовых систем, и это не просто повторение свода неких общих правил. Даже если данная правовая система во многом основана на другом, более общем своде правил, – как, например, право постсоветских государств, во многом вобравшее в себя принципы и доктрину правовой системы СССР, – она изменяет и адаптирует её нормы с определенных позиций согласно собственной внутренней логике. Наличие «вторичных» норм, определяющих порядок принятия, изменения и отмены правил поведения, особенностей правоприменения, а также профессиональной автономии юридического сообщества и правовой доктрины гарантируют институциональную автономию любой правовой системы.

Институциональная автономия правовой системы Республики Беларусь предопределяется системой специфических особенностей правотворчества, включая автономию профессиональной лексики, стиля и аргументации, вырастающих на её собственной правовой доктрине и практике правоприменения. Она объективно обусловлена особенностями всех сложившихся в стране социальных институтов. «Существенными правообразующими факторами правовой системы белорусского народа, – писал С.Г. Дробязко, – были традиционные, геополитические,

культурные, научно-теоретические, сугубо политические, идеологические, юридические» [11, с. 4], поскольку исторически у каждого народа право складывалось само собой как устоявшийся порядок отношений между людьми, непосредственно обусловленный осознанной необходимостью соблюдать всеобщие правила (обычай) в процессе совместного участия в производстве, обмене, распределении и потреблении. Эти правила выработались в конечном счете под воздействием объективных потребностей жизни, практической деятельностью организованных в общество людей [11, с. 3].

Международное право как особая правовая система, основанная на общих принципах права и «усреднённой» по отношению к национальным правовым системам трактовке легитимности и социальной обусловленности правовых норм, также обладает институциональной автономией. Она присуща как «первому уровню» – содержательной его части, т.е. правилам поведения, адресованным субъектам международного права, так и «второму уровню», т.е. правилам, относящимся к порядку нормообразования. Нормообразование в международном праве осуществляется посредством согласования воли государств, что, с одной стороны, придаёт международно-правовой системе своеобразие и автономность, а с другой стороны, обуславливает её неразрывную диалектическую связь с внутригосударственными правовыми системами.

Правовая система в определённом смысле аутопоэтична, т.е. способна к самовоспроизводству, самопостроению и поддержанию собственной организации. При этом в такой системе одни («вышестоящие») нормы не только определяют «нижестоящие» нормы, но и сами определяются ими. Один из разработчиков аутопоэтической теории права, немецкий юрист Г. Тойбнер, назвал этот феномен циркулярностью правовой системы [12, р. 5]. Так, конституционные суды могут отменять или изменять законы, навязывая законодательной власти свои взгляды на конституцию и право в целом, своё толкование международных договоров и т.д. Законодательная власть определяет границы судебного правотворчества, а судебная власть, в свою очередь, определяет границы законотворчества.

Циркулярность наблюдается также во взаимодействии международного и национального права. Совет Безопасности ООН может принимать нормы, обязательные для государств-участников, но компетенция Совета Безопасности в целом основана на Уставе ООН как соглашении государств-участников, от которого они в принципе могут в любое время отказаться. Государства – участники Европейского Союза непосредственно участвуют в создании норм европейского права, члены их правительств составляют Совет Европейского Союза, являющийся его главным правотворческим органом, и, таким образом, общеевропейское право определяет внутригосударственное право членов ЕС, а оно, в свою очередь, определяет общеевропейское право.

Гарантией институциональной автономии правовой системы является наличие вторичных норм изменения и судебного применения. Институциональная автономия обладает двумя аспектами: формальной автономией (существование собственных институтов) и процедурной автономией (существование собственных процедур правотворчества и утверждения норм). В развитых правовых системах эта институциональная автономия укрепляется профессиональной автономией людей, осуществляющей правотворчество и правоприменение. Также выделяется методологическая автономия, включающая автономию языка, автономию стиля и автономию аргументации. Развитая профессиональная и методологическая автономия приводит к доктринальной автономии, что является важным элементом институциональной автономии правовой системы. Развитые правовые системы достигают большего уровня автономии, поскольку самостоятельно развивают все элементы, способствующие автономии: содержание (юридические правила, выведенные из других юридических правил и принципов), язык, аргументацию, юридическую профессию и доктрину. Тем не менее, правовые системы «легитимируются» в соотношении с другими системами – международным правом и правовыми системами иностранных государств. В итоге их автономия не абсолютна и имеет свои пределы. В условиях, когда внутригосударственное и международное право производят и поддерживают друг друга, взаимно влияют на содержание правил и процедур, вряд ли можно говорить о полностью «аутопоэтических», автономных правовых системах. В настоящее время все правовые системы в мире – диалекты одного общего правового языка, разновидности единого правового дискурса [10, с. 60–63].

Как социальный институт, национальная правовая система вырастает на особенностях данного социума, на его предшествующем историческом пути, социальных связях, культуре, языке и мировосприятии. Легитимация права, т.е. степень общественного восприятия и готовности субъектов соблюдать правовые предписания без принуждения или с минимальной его степенью, зависит от учёта общественного мнения, от выстраивания коммуникации между правопорядком и внеправовой средой, включая другие социальные институты – мораль, этику, культуру, образование и т.д. С этой точки зрения важное значение может иметь присутствие в создании и реализации правовых норм различных форм непрофессионального участия: общественное обсуждение законопроектов, законодательная инициатива общественных организаций, субъектов хозяйствования и граждан, суд присяжных и другие подобные институты, которые влияют на повышение роли и авторитета правовых норм в социуме и взаимодействие права с другими социальными институтами в целях укрепления общественного порядка. Возможность непрофессионального участия в функционировании правовой системы способствует внедрению в неё социальных норм, обусловленных укладом повседневной жизни в данном государстве. Такое участие может действовать как катализатор своевременных и эффективных изменений в системе обеспечения правопорядка.

Теоретико-методологическая категория институциональной автономии характеризует не только национальные правовые системы государств и систему международного права, но и в целом право как общесоциальный феномен. В последнем случае речь идет об устойчивости, способности к самовоспроизводству и легитимации права в системе других социальных институтов и социальных регуляторов. В этом смысле легитимация правовой системы как степень общественного восприятия и готовности к соблюдению норм является общим фактором обеспечения

институциональной автономии безотносительно к особенностям той или иной правовой системы. Данное обстоятельство обусловило развитие институтов, обеспечивающих легитимацию права, в том числе, в международном дискурсе и практике. Правовая система, как уже отмечалось, циркулярна, т.е. требует наличия и совершенствования внутри себя институтов самоподдержания. Общечеловеческий опыт обеспечения институциональной автономии права аккумулирован в обширном арсенале международных стандартов, таких как, например, международные стандарты законоотворчества, парламентаризма, независимости судей, прокуроров и адвокатов.

Необходимо отметить, что собирательное понятие «международных стандартов» включает в себя не только принятые на себя государствами обязательства, закреплённые в нормах международных договоров, но и всевозможные рекомендации, своды наилучших практик, доктринальные разработки, целью которых является методологическая помощь в совершенствовании «вторичных» институтов правовых систем, обеспечивающих их устойчивость и социальную легитимацию.

Институционализация правоворческих процедур является предметом таких международных документов, как Руководство ОБСЕ по демократическому законоотворчеству в целях совершенствования законодательства 2024 г.¹, Стандарты Межпарламентского союза, касающиеся формирования и деятельности парламентов², и др. Функционированию судебных и правоохранительных органов посвящены Основные принципы независимости судебных органов, утверждённые резолюциями 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.³, Бангалорские принципы поведения судей, утверждённые резолюцией ЭКОСОС ООН 2006/23⁴, Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в Гаване (Куба) с 27 августа по 7 сентября 1990 г.⁵, Принципы и руководящие положения Организации Объединённых Наций, касающиеся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия, утверждённые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/67/187 от 20 декабря 2012 г.⁶, Руководство о статусе и роли прокуроров, разработанное Управлением ООН по наркотикам и преступности в 2014 г.⁷ и многие другие.

Легитимация правовой системы немыслима также без действенных инструментов соблюдения и защиты прав человека. В каждой внутригосударственной правовой системе центральным звеном являются конституционные нормы о статусе личности и её взаимоотношениях с государственной властью. Общеправовой запрос на широкую социальную поддержку как фактор обеспечения институциональной устойчивости правовых систем обусловил также разработку и продвижение международных стандартов в области прав человека. Фундаментом таких стандартов являются международные соглашения, которыми государства-участники приняли на себя международные обязательства по соблюдению и защите прав человека. Все они имплементированы в национальное законодательство, в том числе в конституции государств. Конституция Республики Беларусь в полном соответствии с нормами международного права закрепляет права и свободы человека в самых различных сферах правового регулирования. Социальный запрос на формирование эффективных механизмов взаимодействия индивидов как основных членов общества и власти (которая тоже, в конечном счёте, состоит из индивидов как субъектов этого коллективного интереса), лежит в основе деятельности многочисленных международных организаций по разработке рекомендательных норм, призванных помочь государствам в построении правовой системы, максимально отвечающей этому запросу. Только под эгидой ООН разработаны сотни документов, направленных на эффективную имплементацию в национальные правовые системы международных обязательств в области прав человека. Например, международные стандарты обращения с лицами, содержащимися под стражей, включают Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными ЭКОСОС 1977 г.⁸, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-либо форме, 1988 г.⁹, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы 1990 г.¹⁰ и др. Значительное количество документов подготовлено также другими международными организациями, в том числе интеграционными объединениями, такими как, например, СНГ.

Всё это свидетельствует о неразрывной связи международной и национальных правовых систем, их взаимозависимости и взаимообогащении. Все они являются частью общесоциального феномена права, обладают не только индивидуальными особенностями, определяющими их идентичность, но и общими признаками, характерными для права в целом. Без учёта этой диалектической связи вряд ли можно эффективно решать задачи по укреплению институциональной автономии правовой системы Республики Беларусь.

Заключение. Идентичность правовой системы формируется в условиях диалектической связи между её уникальностью и возможностью функционировать во внешней среде, что требует наличия институциональной автономии как способности действовать на основе собственных принципов и правил самоуправляться. Институциональная автономия правовой системы обеспечивается, в первую очередь, определённым в ней порядком

¹ URL: https://odhr.osce.org/sites/default/files/f/documents/1/e/566782_0.pdf.

² Inter-Parliamentary Union. URL: <https://www.ipu.org/impact/democracy-and-strong-parliaments/ipu-standards>.

³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml.

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml.

⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml.

⁶ URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/67/187>.

⁷ URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf.

⁸ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.

⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml.

¹⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml.

принятия, изменения и отмены правовых норм, особенностями правоприменения, а также профессиональной автономией юридического сообщества и науки. Институциональная автономия правовой системы Республики Беларусь обусловлена особенностями развития всех функционирующих в стране социальных институтов.

Как социальный институт правовая система вырастает на особенностях данного социума, его историческом пути, социальных связях, культуре, языке и мировосприятии. Легитимация права как степень общественного восприятия и готовности субъектов соблюдать правовые предписания зависит от коммуникации между правом и другими социальными институтами, что обуславливает важность участия общества в функционировании правовой системы. Легитимация является важным фактором обеспечения институциональной автономии правовой системы.

Опыт обеспечения институциональной автономии правовых систем аккумулирован в международных стандартах законодательства, парламентаризма, независимости судей, прокуроров и адвокатов. Имплементация таких стандартов, разрабатываемых международными организациями в помощь национальным правовым системам, может быть полезна для укрепления правовой системы Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – 25 с. – URL <https://pravo.hse.ru/data/2016/10/25/1110627114/institution.pdf>
2. Валиев П. Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.103-116>.
3. Law as institutional normative order / ed. by M. Del Mar and Z. Bankowski. – Edinburgh, 2009. – 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315591544>.
4. Morton, P. An institutional theory of law: Keeping law in its place. – Oxford, 1998. – 416 p.
5. Курочкин А.В. Концепт «правовая институционализация» и его содержание // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3(64). – С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.64.3.039-047>.
6. Кравченко А.И. Социология: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 433 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/582638>.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
8. Freeman M. Law and sociology // Law and sociology / Ed. by M. Freeman. – Oxford University Press, 2006. – P. 1–15.
9. Hart H. L. A. The Concept of Law / Herbert Lionel Adolphus Hart, Leslie Green. – Oxford University Press, 2012. – 333 p.
10. Марк ван Хук. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. – СПб.: Изд. д. С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2013/05/27/1298747525/Hoecke%20law%20as%20comm.pdf>
11. Дробязко С.Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск, 1999. – Вып. 10. – С. 3–16.
12. Teubner G. Law as an Autopoietic System / transl. by A. Bankowska and R. Adler; ed. by Z. Bankowski. – Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993. – 203 p.

Поступила 15.05.2026

ENSURING INSTITUTIONAL AUTONOMY OF THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

V. TALOCHKA
(Belarusian State University, Minsk)

This article examines current theoretical and legal issues related to ensuring the institutional autonomy of the legal system of the Republic of Belarus in the context of its interaction with other social institutions and the external legal environment. The institutional approach emphasizes the social determinacy of law and examines the national legal system not only in its internal dimension but also from the perspective of the legitimization of law as perceived by society and the willingness of members of society to comply with established norms. It is emphasized that the national legal system evolves from the characteristics of a given society, its previous historical path, social ties, culture, language, and worldview. Accordingly, the institutional autonomy of the legal system of the Republic of Belarus is predetermined by a system of specific features of lawmaking, including the autonomy of professional vocabulary, style, and argumentation, which are rooted in its own legal doctrine and law enforcement practices, and is objectively conditioned by the characteristics of all social institutions established in the country. Experience in ensuring the institutional autonomy of legal systems has been accumulated in international standards on lawmaking, parliamentarism, and the independence of judges, prosecutors, and lawyers. The author believes that implementing such standards into national legislation could be useful for strengthening the institutional autonomy of the legal system of the Republic of Belarus.

Keywords: legal system, institutional autonomy, social institution, legitimation of law, law-making, law enforcement, international standards, implementation.